

Элементы эпистолярной традиции в частной переписке XVII века

Среди многочисленных рукописей XVII в. не пользуются вниманием исследователей языка частные письма русских людей. Объясняется это, видимо, тем, что источников подобного рода сохранилось очень мало, да и те, которые имеются, почти не публиковались. Словом, частные письма не занимают должного места в кругу материалов, которые используются специалистами по истории русского языка.

Внимание дореволюционных публикаторов в основном привлекала переписка привилегированных слоев общества. Письма служилого дворянства, купцов, ремесленников и крестьян оставались обыкновенно вне поля зрения. Публикации писем такого характера, как правило, были случайны, к тому же они рассеяны в периферийных изданиях, порой малодоступных, например в Трудах ученых архивных комиссий или Губернских ведомостях.

Частные письма содержат богатейший материал для исследования, так как богаче других источников того же времени отражают народную речь, хотя в них отложились и такие нормы общения, которые нельзя считать живыми разговорными, которые представляют собой проявление определенной эпистолярной традиции.

Для исследователя важно определить разнообразные наслоения, которые могли быть внесены в переписку как церковно-книжным воздействием, так и фольклорной традицией, поскольку первые обыкновенно не характерны для народно-разговорной речи, а вторые приемлемы лишь в особых случаях. Привлекая материалы частной пере-

писки в качестве источника для изучения живой народной речи, необходимо прежде всего отграничивать церковно-книжные элементы от тех, в которых получила отражение живая народная речь. Задача данной статьи — выделить эти элементы эпистолярной традиции, что важно, во-первых, для того, чтобы получить наиболее ясную картину живой народной речи в прошлом, во-вторых, чтобы проследить церковно-книжное влияние на живую народную речь.

Однако не все наслоения можно определенно противопоставить народно-разговорному языку; встречаются и такие, которые, проникнув в частные письма из деловой и даже церковно-религиозной сферы и органически слившись с разговорной речью, образовали своеобразный сплав, который, с нашей точки зрения, может представить специальный интерес для исследователя.

Материалом для настоящей статьи послужили наблюдения над частными письмами конца XVII—начала XVIII в., находящимися в хранилищах Москвы: ГИМ, ф. 440, № 375. Письма И. С. и Т. С. Ларионовым; ГИМ, ф. 253, № 39. Письма А. Н. и П. А. Квашниным-Самариным; ГИМ, ф. 88, № 13. Письма Д. И. и Ф. Д. Масловым; ГБЛ, ф. 161. Письма И. А. Маслову; ГБЛ, ф. 221, к. III, IV, V, VII. Письма С. И. Пазухину; ЦГАДА, ф. 214, № 843. Письма Ф. М. Челищеву. Привлечены письма И. И. Киреевскому, находившиеся в Калужском краеведческом музее; ныне фонд Киреевских (за небольшим исключением) хранится в Институте русского языка АН СССР в Москве. Привлечен материал ГПБ, ф. 164. Письма Вындомских. Все эти письма не публиковались, количество их превышает 600. Для сравнения привлечены письмовники этого же времени, хранящиеся в ГБЛ, ф. 178, № 1842; ф. 304, № 297; ф. 310, № 876 и 1072; ф. 344, № 431—3 и др.

Отметим, что некоторая часть писем вышла из-под пера писцов-профессионалов, занимавшихся писанием деловых бумаг по заказу просителей. Обладая более или менее прочными навыками правописания, но не стесненные рамками делового трафарета, такие писцы относительно свободно выбирали средства выражения и, таким образом, сравнительно естественно воспроизводили живую народную речь. Не следует забывать, что частные письма, которые мы рассматриваем, в большинстве своем адресованы неофициальным лицам.

Авторами писем были люди разного общественного положения, сословной принадлежности и материального достатка. Встречаем письма мелкого и среднего служилого дворянства, приказчиков, старост, ремесленников и крестьян. Это свидетельствует о том, что грамотность имела распространение среди различных групп населения.

Традиционные формулы и обороты, частью закрепленные в письмовниках, находят в частных письмах определенное отражение. И это не удивительно. Письмовники имели распространение не только среди писцов-профессионалов, они приобретались и переписывались просто грамотными людьми наряду с иного рода «полезными» сочинениями — лечебниками, разного рода рецептами, вообще литературой для домашнего чтения.

В письмах и образцах, представленных в письмовниках, нетрудно выделить зачин и заключение; именно в этих частях наиболее ярко отражена закрепленная в письмовниках эпистолярная традиция. В большинстве письмовников представлены только витиеватые начальные строки писем, иногда и образцы заключений — части, легко вычлняющиеся из всего состава писем, наиболее общие для них.

Зачин содержит обращение с различными добрыми пожеланиями, челобитье автора письма, излагаемое обычно в уничижительной форме, сообщение пишущего о себе, нередко с указанием местопребывания, и дату написания письма. Оформление датировки в большинстве случаев довольно близко к той, которая применяется в деловой письменности. Автор письма, называя себя, иногда прибавляет указание на родственные отношения к адресату. Некоторые категории людей употребляли по отношению к себе принятые в то время постоянные названия: крестьяне в грамотках к барину называли себя сиротами или холопами, лица духовного звания — богомольцами и т. п.

Употребление определенных форм обращения было связано с соблюдением своеобразного этикета. Очень часто изъявление уважения к адресату облекалось в сложные книжные обороты, витиевато построенные фразы. Именно с этим связано употребление не свойственных разговорному языку XVII в. грамматических и лексических средств: Гсдрю моему многомлстивому Ивану **С**ндреевичю | Маркушка Поярков челом бьет здравствуи

гсдрь и многолетствуи с своим благодатным | домам а про меня пожалѣши изволишь ве|дат и яз во Брянскѣ ноября в *ѠІ де 8* своих | скорбехъ ѡдва что живъ (ГБЛ, ф. 161, № 10130). Известно, что личное местоимение *яз* в XVII в. в разговорной речи было не употребительно. Употребление этой формы в письмах продиктовано стремлением автора к книжному слогу, а может быть, и просто дань традиционной формуле. Примеры: А яз на Москве декобрия въ | *ѠІ де* дал бгъ живъ (ГБЛ, 161, № 10124); Блгдтъль мои Иван Семенович здравствѣ | *і ѡ* здравье своемъ прикажи ко мнѣ писать а яз | слышати о твоёмъ здравье желаю (ГИМ, ф. 440, № 375, л. 9); А пожалѣшь гсдрь похощъ вѣ|дат | про меня и яз в Казани октября в *ІІ де* еле живъ (ГИМ, ф. 440, № 375, л. 23 и др.)

В целом эти фразы состоят из общеупотребительных для того времени слов, составлены в обычной разговорной форме, может быть, за исключением оборота «8 своих | скорбехъ ѡдва что живъ»; этот оборот, часто встречающийся, уступает место более нейтральному в стилистическом отношении «в печалех своих | живъ».

Возвращаясь к личному местоимению, отметим, что более употребительной все же в подобных случаях является форма *я*: И я в Синбирску в печалех своих | живъ (ГИМ, ф. 253, № 39, л. 20); И я на службѣ великихъ гсдреі въ Новасили генворя | въ *І де* дал бгъ живъ (ГИМ, ф. 88, № 13, л. 72); И я з женою ноябрѣ в *ІІ де* живы (ГБЛ, ф. 221, к. III, № 20).

Обращаясь вновь к датировке писем, заметим, что она следовала установившемуся образцу. Однако, так же как и ныне, пишущий иногда забывал поставить число: И я в Синбирску в печалех своих | живъ июня по *де* (ГИМ, ф. 253, № 39, л. 20); И я в кручие (кручине) | своєі чют жива марта въ *де* (ГИМ, ф. 88, № 13, л. 147); И я з женишкою | ноябрѣ по *де* живы (ГБЛ, ф. 221, к. III, № 21). В большинстве же случаев при употреблении подобного оборота число обозначается, разумеется, буквенной цифирью: И я на гсдреве службѣ | в Переславле генваря въ *Е де* в кру|чине и в печали своєи живъ (ГБЛ, ф. 221, к. III, № 34); И я в Торжкѣ мая по *АІ де* с княгинєю | и с князь Иваном живы (ГИМ, ф. 253, № 39, л. 11). Иногда автор обходится без указания даты: А я по се число | в

живых (ГИМ, ф. 253, № 39, л. 37); У нас в домѣ по се число все | дал бгъ здорова (ГИМ, ф. 88, № 13, л. 6); И я в бѣдахъ своихъ живѣ до воли спасителевой сестры и жени | шко мое по се писание живы (ГПБ, ф. 164, № 33). Формулы датировки обыкновенно не включают в себя указания на год написания.

Несмотря на то, что между зачинами и концовками образцов, представленных в письмовниках, и зачинами и концовками рассматриваемых писем имеется некоторое, мы бы сказали, формальное сходство, письма в этом отношении значительно отличаются от образцов, приводимых в письмовниках. Эти образцы в большинстве своем представляют собой развернутое обращение, необыкновенно витиеватое, церковнославянизированное: **Отцу** родителю. Млстынею | к нищелюбию красящися и ко всемъ добродѣтелю | сияющуся молитвою своею к богу предвосходиши | и милость свою к моему худоумию простираеши и **мт** юности моему питателю и разумѣ | и смыслу учителю **мт**цу моему единокровному | гсдрю имркѣ (ГБЛ, ф. 310; № 876); Млтвою своею добрѣ къ | бгу превосходиши **ако** | дрѣво посрѣди винограда | Хрстова бгомъ насажденъ | наго и просябши **а** же | чесныма своима дланма **нв**сившаа и сосцами своими воскормившаа и | **всак**сю таготу менѣ ради претерпѣвшаа ждѣще | **мт** меня покоа животѣ | своемѣ гсдрнѣ моеи млсти | вои матушкѣ имркѣ (ГБЛ, ф. 310, № 1072); Ко учителю. Фила**м**ньскага учения | в разумѣ всѣхъ удивляеши литорския же любомудрия до конца извыкъшему дидоскалу премудрому логофету презящному гсдрю моему имрк (ГБЛ, ф. 304, № 297). Стиль этих образцов, как видим, создавался при помощи церковно-книжной лексики, не употреблявшейся в повседневной разговорной речи.

Искусственность этих оборотов, вероятно, чувствовали и сами переписчики. Это очевидно из записи в письмовнике, хранящемся в ГБЛ, ф. 178, № 1842. Переписчик, списав 40 образцов, к 41-му и 42-му делает приписку: Как писал соловецкой старец к Ростовскому митрополиту; Как писал Макарей архиепископ к подячему. Хотя это письма официальных лиц, общая манера их чрезвычайно близка к большинству рассматриваемых писем, это, по-видимому, и заставило писца привести эти письма в качестве образцов.

В письмах, имевшихся в нашем распоряжении, не встретилось полностью заимствованных вступлений подобного рода, а имеются лишь отдельные строки с церковно-книжными оборотами; это говорит о том, что авторы писем проявляли большую или меньшую самостоятельность в выборе языковых средств, а не безоговорочно следовали предложенным образцам. Например: Гсдрю моему млсрдному отцу брату Семену Ивановичу вскор|мьленик пресветлыя твоеі трапезы убогї| в члвѣцех брат твої Ѳедка Пазухин раболепно| челом бьет.

Подаі бгъ тебѣ гсдрю моему во многолѣтном| пребывани здравствоват на множества лет| прикажи гсдрѣ братец Семен Иванович ко мне пи|сат про свое здорове про здорове сваты Анны Ивановъ|ны і про невестушкино здорове| Василисы| Григоревны| і про детушек своих здорове Петра Се|меновича і Уляну Семеновну і Марю Семенов|ну как вас гсдреі моих Хрстось млстию своею хра|нит и чтоб мне слыша о вашем здорове о Хрсте бозе| моем родоватца.

А про меня гсдрѣ братец изволиш в своем здорове напа|метоват і моему акаянству гсдъ бгъ терпит| з женишкою і с робятки в печалех своих і в скорбѣ| еле жив (ГБЛ, ф. 221, к. III, № 35). Такие обороты, как «вскор|мьленик пресветлыя твоеі трапезы убогї| в члвѣцех», «о Хрсте бозе», не могут восприниматься как элементы живой разговорной речи, это книжные обороты, встречающиеся в церковной литературе, укоренившиеся в сознании людей того времени вследствие частого к ней обращения. Во втором абзаце этого письма автор продолжает свои пожелания в возвышенном книжном стиле: «во многолѣтном| пребывани здравствоват на множества лет» и затем, переходя к житейским темам, обращается к более обыденному полногласному образованию: «про свое здорове, про здорове сваты», не употребляя уже слова «здравие». Что касается выражения «і моему акаянству гсдъ бгъ терпит», то, несмотря на свой явно церковный характер, оно получило довольно широкое распространение и часто встречается в зачинах писем: А обо мнѣ братец изволиш на|помнит и моему акаянству| еще гсдъ бгъ терпит (ГБЛ, ф. 221, к. III, № 36); А о мнѣ изволишь спро|сит и бжие всемлстивое| долготерпѣнне окоянству| моему терпит (ГИМ, ф. 253, № 39, л. 12);

Гсдрь мой| братец изволиш про мое ꙗбогое именишко воспо-
 мя|нуть| и моемꙗ ꙗкаянствꙗ всещедры бгъ июля въ ... |
 терпит (ЦГАДА, ф. 214, № 843, л. 5) и т. д. В одном
 из писемовников встречаем это выражение, правда, в
 несколько ином контексте — этот зачин очень обширен,
 насыщен возвышенной книжной лексикой; опуская его
 начало, приводим только строки с интересующими нас
 словами: Пришли слѡвѡ свѡе | милѡстивѡе к моемꙗ ꙗка-
 янствꙗ | чтобы мнѣ про твою млсть известно былѡ можнѡ
 ли мнѣ на тобя на|деждꙗ имѣти (ГБЛ, ф. 344, № 431—
 3). Приведем еще примеры: Праведный гсдрь и благо-
 датель | наш млстивоі Алеѡѣти Петрович раб | млсти твое
 Бориско Пазухин пад | ко чесным степеннаго твоих ра-
 болепие (далее, по-видимому, пропущено: ногам) | много
 челом бью здравствуй гсдрь въ | блгополучном радосном
 бгу подвижном | жити своем желателно гсдрь жадаю | на
 некиждо час слышати о твоєм | гсдря моего многолетном
 здраве | пожалуй гсдрь прикормленика | своего і вечного
 работника прика | жи посетит извесным писанием о
 твоєм гсдря моего здраве а естли | гсдрь за свое
 блгсердие ко мнѣ | изволишь напаметоват млсть свою | ко
 мнѣ и я согрешіи жив в Чебо|ксарех (ГБЛ, ф. 221, к.
 III, № 49). Об авторе этого письма Б. Пазухине изве-
 стно, что он несколько раз возглавлял посольства в раз-
 ные страны и, по-видимому, был образованным человеком.
 Влияние книжности довольно отчетливо проступает в его
 письме.

Следующее письмо еще более насыщено церковными
 элементами, так как автором его является «богомolec
 поп Герасим»: Гсди Ісе Хрсте сне бжіи помилѡи нас
 а *... | добраго древа благая ѡтрасль благ*... | щия
 вѣтвь рожденномꙗ Ива*... | во блачестіи ѡт младых
 ногтеи наѡчен | бжственномꙗ писанію и вѣре Хрстовѣ | Иванꙗ
 Іѡсифовичю да сохранит Хрстось бгъ | здавіе твое с
 сѡпружницею своею а с моею | госпожею Мариною Фе-
 доровною и с чадо|родіем своим Васильем Івановичем
 на мно|жество лѣт да спасет дши ваши бгъ и по|милѡет
 нѣкто ѡт ꙗбогих ѡт лѣсных нѣдрь | скорбноі і нищіи
 а ваш бгомolec поп Герасим | ѡ вашем здравіи бга молит
 и честности | твоеи поклоняся до лица земнаго да про-
 сти гсда ради как бы мнѣ | в писаніи своем не | про-
 гнѣват млсть твою но надѣяся на милость | всещед

* Край листа оборван.

раго бга і на твою великѣю млсть дер|знѣл азъ грѣшныи написат (ГИМ, ф. 440, № 375, д. 29).

Наряду с этими усложненными книжной лексикой зачинами мы встречаем немало начальных строк, написанных, в основном, в простой разговорной манере: Гсдрю моему ко мне милостивому | благодателю Андрею Микити|чю Мишка Чириков челом бьет многолетно гсдрь здравствуі со всеми любящими тобою пожалуй гсдрь | прикажи ко мне писат про свое много|летное здорове а я твоего многолет|ного здорovia усердно желаю слы|шат а изволиш гсдрь напомянут о мне | и я в Сибирску в печалех своих | жив июня по де (ГИМ, ф. 253, № 39, л. 20).

Братецъ Ѳедот Дмитриевич здравствуі на многия лета (ГИМ, ф. 88, № 13, л. 81); Братецъ батка моі Иван Иванович здравствѣи (ИРЯЗ, ф. 3); Благодѣтел моі Андреі Никитич челом бью на твоєм | жаловане что жаловал поил і кормил (ГИМ, ф. 253, № 39, л. 24).

Отметим в письмах XVII в. зачины, написанные иначе. Круг авторов и адресатов этих писем гораздо теснее, эти письма написаны либо от родителей к детям, либо от мужа к жене, или от жены к мужу, либо это переписка между близкими друзьями. В этих зачинах чувствуется бóльшая интимность, в них встречаются порой и слова из народно-поэтического языка, церковно-книжная лексика в них почти отсутствует: *От* Василья Григорьявичя жене моеи Ѳекле Дмитре|вной с любовью поклон а детям моим Ѳедорѣ Пра|скови Мари Анне мир и благословения мое | живи дша моя какъ тебя гсдѣ бгъ на разѣм | наставит (ГИМ, ф. 88, № 13, л. 62); *От* Агаѣи Савелевны сынѣ моемѣ | Ѳедоту Дмитревичѣ мир тебе от меня | и благословение (ГИМ, ф. 88, № 13, л. 10); Гсдрю моемѣ і дрѣгѣ сердешному Иванѣ Семеновичю (ГИМ, ф. 440, № 375, л. 3); *От* Семена Василевича свѣту моему и шутушке Семеновичю я свет моі на|Москвѣ октября по КС число... дал бгъ здорово а ты свѣт моі пиши ко мнѣ про свое здорове (ГИМ, ф. 440, № 375, л. 30); *От* Андрея Костентинава сна сну моему Иванѣ | поклон как тобя бгъ милует (ГБЛ, ф. 161, № 10124). Подобные начальные строки встречаем и в частных письмах,

написанных на бересте: Поклонъ *wt* Маринѣ к сну (грамота № 125); Поклоно *wt* Ѡмросии ко Степану (грамота № 59) и др.

Так как грамоты на бересте были довольно кратки (по-видимому, трудно было приготовить большие листы из бересты), лаконичны и обращения в них. Несмотря на то, что берестяные грамоты датируются более ранней эпохой, в них находим примерно те же зачины, что и в частной переписке XVII в. Это показывает устойчивость традиции.

Образцы, помещенные в письмовниках, предназначены для ориентации в переписке между людьми, находящимися в самых разнообразных отношениях — деловых, дружеских и родственных. Однако стиль образцов не отражает этого разнообразия, все они написаны в церковно-книжном духе, с большим количеством простых и сложных прилагательных, которые делают обращения очень громоздкими. Интересно, что учитываются не только дружеские отношения между переписывающимися, имеются и такие образцы: Непостоянному другу с посмѣхом (ГБЛ, ф. 310, № 876); К другу с лаею. Столпу повапленному тмы | чаду помраченному племени | гадавъ *wn*ицкому прегордому Ха|наанского хамова приро|ждения прелести помра|ченныя гсдрю *imrkъ* (ГБЛ, ф. 304, № 297). Перед нами образцы поношения адресата.

В частных письмах, если и выражено неудовольствие действиями адресата, это никак не отражается на обращении, например: Жаловал ты гсдрь *iz*волил | *nnѣ* присылат к Москвѣ гостинца х теце к моеі к Овдоте Ѡн|тоновне і къ щурямъ к* моим і к Василю Осиповичю рыбы | а ко мнѣ к одному не пожаловал рыбки не *iz*волил | прислат не рыба та гсдрь мнѣ дорога дорого мне твое | *pr*ятство, — и однако, несмотря на обиду, обращение выдержано в духе уважения к адресату: Гсдь бгъ тебѣ гсдрю моемѣ | [много] лѣ[т]но[го] з[д]оров[ья]... і пеісчетные лѣта со|жите[л]ницею своею з гсдрнею с тетѣшкою (ГИМ, ф. 440, № 375, л. 5).

Второй, наиболее ярко отражающей традицию частью письма является заключение. В большинстве случаев оно состоит из челобитья, как правило, менее распространенного, нежели зачин: При семъ писавы Васка Кобылскои челом бьет (ГИМ, ф. 440, № 375,

л. 24). Иногда челобитые сопровождается указанием на дату: По семь тебѣ гсдрю своему Стенка | Ловчиков челом бью | ноября в ГІ днь (ГИМ, ф. 440, № 375, л. 35). Приведем примеры более распространенных заключений: О сем писав матушка твоя богоданная Авдотья | Михаиллавноя премнога челом бьет (ГИМ, ф. 88, № 13, л. 25). Иногда автор не повторяет в заключении своего имени и фамилии: По семь тебѣ гсподину мало пишѣ и премного челом бью (ГИМ, ф. 88, № 13, л. 32); иногда скрывается за инициалами, вписанными в кружки или квадраты: О семь писавыи (⊙ ⊙) челомъ бьетъ (ГИМ, ф. 88, № 13, л. 15); О семь | прося млсти рабско челом бьет (⊙ ⊙) приклонноѣ (ГИМ, ф. 88, № 13, л. 41); При сем писани раб млсти твоєи [⊠ ⊠] стократно челом бьет (ГИМ, ф. 253, № 39, л. 50).

Заключительные строки писем излагались в народно-разговорной манере, за редким исключением в них употреблялись церковно-книжные элементы.

Из восьми просмотренных писемников образцы заключений находим только в двух. Хотя образцы зачинов в них многословны и торжественны, заключения очень кратки, и притом завершают не все, а лишь некоторые письма: Прочее же гсдрь | моѣ здавствѣи ѡ | Хрстѣ аминь, і и по том тебѣ гсдрю | свѣму многѡ челом | бью двѡ лица земнагѡ здравствуйи ѡ | Хрстѣ аминь, а азъ малыи | падъ на лица земли слезнымъ сер|дечнымъ рыданиемъ много вам гѡ | сѣдарем своим челом бью (ГБЛ, ф. 344, № 431—3); А конец грамотки и многѡ тебѣ гсдрю своему челом бью, поворот отписки | и я тебѣ великому гсдру на том тво|емъ жаловане что нам писа|нием известил много челом бью | а млсть бжия (ГБЛ, ф. 178, № 1842).

Итак, повторяем, утвердившаяся к XVII в. эпистолярная традиция наиболее ярко проявилась в зачинах и концовках писем.

Отграничение церковно-книжных наслоений в языке зачинов и концовок позволит воссоздать по частной переписке более или менее достоверную картину состояния народно-разговорного языка в интересующую нас эпоху, а в рамках зачинов и концовок исследователь найдет интересные данные о взаимовлиянии народно-разговорных и церковно-книжных элементов.